

A painting depicting a man and a woman in a romantic embrace. The man, on the left, wears a dark blue sweater and blue trousers. The woman, on the right, wears a vibrant red dress. They are standing in a lush green field filled with small white and pink flowers. In the background, there are trees with red blossoms and a soft, hazy sky. The overall style is soft and romantic.

Галина Березина

ПРОСТО ЛЮБЛЮ

Галина Березина

Просто люблю. Сборник рассказов

«Издательские решения»

Березина Г.

Просто люблю. Сборник рассказов / Г. Березина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936098-4

Любовь и измена. Страсть и разлука. Как часто они идут рука об руку. Казалось бы, ничто не сможет разрушить семейное счастье супружеской пары. Кирилл и Светлана прекрасно дополняют друг друга, их отношения проверены временем. Однако неожиданный поворот событий делит жизнь главной героини на «до» и «после»...

ISBN 978-5-44-936098-4

© Березина Г.
© Издательские решения

Содержание

Просто люблю	6
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Просто люблю

Сборник рассказов

Галина Березина

Редактор Эльвира Иванова

Корректор Эльвира Иванова

Дизайнер обложки Ирина Бочкарева

© Галина Березина, 2018

© Ирина Бочкарева, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-6098-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Просто люблю Рассказ

Светлана бестолково сновала по комнате посреди раскиданных вещей. Завтра, ранним августовским утром – в первый день отпуска, ей предстояло отправиться на отдых. Не куда-нибудь – в глухую деревню, да ещё на целый месяц.

Поездку организовала младшая сестра Ксения, которая считала, что Свете необходимо общение с природой: чистый воздух, парное молоко и тишина. Сёстры жили в довольно крупном городе (по современным меркам – до Москвы рукой подать), и Ксюша проявила усердие, чтобы отыскать этот тихий уголок с речкой, лесом и коровой. Вдалеке от цивилизации ничто не должно было потревожить покой отдыхающей, для которой прошлый 2010 год, даже не будучи високосным, оказался тяжёлым. Нужно место нашлось в соседней области, за двести километров. Теперь же перед отпускницей возникла задача упаковать одежду, а что может потребоваться летом на селе, она никак не могла сообразить.

Горе-путешественница вздохнула. В последние годы они с мужем отдыхали за границей – Кирилл любит комфорт. Всё это – дорогие отели, море, палящее солнце – осталось позади, а её отсылают одну, да ещё в такую глухомань. Возражать энергичной сестрице неудобно – та потратила уйму времени: съездила в деревню, выяснила обстановку, даже познакомилась с соседкой, которая держит корову.

Вернувшись, строго-настрого предупредила:

- Тётя Клава каждый день будет оставлять тебе литр молока.
- Мне столько не выпить! – перепугалась тогда старшая.
- Надо постараться. Посмотри на себя, какие синяки под глазами!

Замечание прозвучало справедливо. Немногим больше года назад Кирилл Петрович Хрусталёв ушёл из семьи, и брошенная супруга страдала до сих пор. Сцена расставания накрепко врезалась в её память.

В тот день в салоне, где Света работала парикмахером, отключили свет, и мастера разошлись. Женщина заскочила на рынок, решив высвободившееся время использовать на домашние дела и порадовать близких телятиной в горшочках.

Муж руководил бизнесом, возвращался поздно, но сегодня, на удивление, был дома и при виде жены нахмурился:

- Что так рано?
- Авария какая-то случилась. Электричества нет и вроде как весь день не будет. Ты в командировку собрался?

Раскрытый чемодан говорил сам за себя.

- Надолго?

Кирилл нахмурил брови, помолчал и сердито отрезал:

- Навсегда!

Она приняла это за шутку и рассмеялась.

- А если серьёзно?
- Куда серьёзней, – проворчал мужчина и швырнул в саквояж пару сорочек.

Молчание повисло вопросительным знаком.

- Я ухожу от тебя, – не выдержав паузы, буркнул супруг.
- Куда?
- К другой женщине, чёрт возьми!

Тревогу сменила надежда: не может быть. Это розыгрыш, всего лишь глупый розыгрыш. Сейчас муж скажет, что пошутил, и повесит одежду в шкаф.

– Да, у меня есть другая женщина. Такое бывает. Не ты первая, не ты последняя. Света не заплакала, только глаза её расширились и расширились. Казалось, ещё минута – и им не хватит места.

– Откуда взялась эта другая женщина? – прошелестело чуть слышно. – Ты же мой муж.

– Да, муж пока ещё! Но не твоя вещь! – приятные черты лица исказила гримаса злости, Хрусталёв перешёл на крик, принялся расхаживать по комнате, а голос его приобрёл визгливые нотки. – И вообще я не обязан перед тобой отчитываться!

– Но я подумала... – онемевшие губы отказывались шевелиться.

– Ты «подумала»! Это ты – подумала?! А что ты думала, когда я приходил домой по ночам?! Когда засиживался до утра якобы у бывшего одноклассника? Когда ездил на рыбалку без удочек?

Женское лицо пошло пятнами. Огромные тёмно-синие глаза сделались чёрными и не мигая смотрели на этого в одно мгновение ставшего чужим человека.

Тот прекратил истерику, опустился на кровать, провёл ладонью по вспотевшему лбу и устало произнёс:

– Ты же сама нашла в бардачке французские духи. Разве ничего не поняла?

– Я решила, что это подарок кому-нибудь из сотрудниц.

– Ты дура, что ли? – недоумение ясно читалось во всей на несколько секунд застывшей позе. – В общем, так: жить с тобой скучно и неинтересно. Я чувствую себя столетним стариком. Ты как кукла тряпичная – ни жизни, ни огня.

Кирилл уже не мог остановиться. Он осыпал жену упрёками, полностью перекладывая вину на её плечи. При этом безжалостно теребил очередную рубашку.

Хотелось зажмуриться и заткнуть уши, но Светлана стояла замерев, точно парализованная.

– Ну что молчишь?

Он ожидал слёз, рыданий, уговоров, но жестокие слова вызвали лишь безмолвный шок. Оцепеневшая, с чуть приоткрытым ртом, в эту минуту Света и впрямь напоминала безжизненную куклу.

Скрипнули чемоданные молнии, донёсся звук уверенных удаляющихся шагов. Прощальная фраза от дверей хлестнула по лицу: «А знаешь, как женщина ты тоже полный ноль!» Лязгнул замок и – тишина...

На ватных ногах покинутая подошла туда, где только что сидел супруг, безвольно опустилась на край. Замерла, глядя на маленькую рубашечную пуговицу, что закатилась под стол, а потом медленно сползла на пол. Веки нестерпимо щипало то ли от солёной влаги, то ли от напряжения. Несчастливая зажмурилась и, обхватив голову, словно защищаясь от удара, скрючилась на коврик. Мысли острыми стрелами вонзались в мозг. Не может быть! Этого просто не может быть! Её муж, её Кирилл бросил семью, ушёл к другой!

Света взвыла, как раненое животное, истекающее кровью. Запустила обе пятерни в волосы и кусала губы, не чувствуя боли. Это могло произойти с кем угодно, только не с ней! Нет! Нет! Нет! Голова яростно тряслась в попытке избавиться от ужасных ядовитых стрел.

В таком состоянии застала мать пятнадцатилетняя Карина, вернувшись с тренировки. Девочка не на шутку перепугалась и позвонила отцу. Не дождавшись ответа, набрала номер маминой сестры. Ксения примчалась быстро, но и вдвоём они не смогли привести рыдающую в чувство. Ту бил озноб, пальцы сводило судорогой. Пришлось звонить в «скорую».

На вызов приехала бригада: девушка-фельдшер с объёмной сумкой и низенький седоватый доктор с чёрными густыми усами. Слушая сбивчивый рассказ родственников, он не спеша провёл осмотр и дал распоряжение коллеге, которая ловко распаковала шприц и вскрыла ампулу. После процедуры «усач» примостился возле больной и начал задавать простые житейские вопросы. Кем она работает? Где находится салон? Много ли в нём клиентов? В каком

классе учится вон та «юная особа», которая, по всей видимости, боится уколов? И наконец, что же такую красивую молодую даму так расстроило?

От лекарства и искренне сочувствующего голоса та притихла, мало-помалу успокоилась. Заикаясь и путаясь, выложила всё. Казалось, не только глаза, но и очки девушки в белом халате, на пальце которой красовалось новёхонькое обручальное кольцо, испуганно округлились.

– Вот оно как, – лекарь посопел в усы и, повернувшись к Карине, распорядился: – Заварика, малышка, чайку.

«Малышка» – под метр восемьдесят, с высоким шоколадно-коричневым «хвостом» на голове, ещё добавлявшем роста, – метнулась в кухню.

– Эх, барышни, миленькие вы мои, – спустя несколько минут врач по очереди оглядел присутствующих. Отметил про себя, что от сладкого горячего напитка щёки больной порозовели, а помощница со своей сумкой топчется у выхода, точно опасается заразиться. Усмехнулся. – Не надо уж так-то из-за нас переживать. Ни один мужик не стоит ваших слёз. А который стоит – не заставит плакать. Ушёл – ну и пусть идёт себе с богом! Скатертью дорога. Мужик с возу – бабе легче.

Четыре пары глаз уставились на пожилого медика, а тот уже беседовал с пациенткой:

– О себе подумай, красавица моя. Дочь у тебя вон какая ладная растёт. Да и ты своё счастье ещё найдёшь. Не зря говорят: мужики как трамваи – не успел один укатиться, а другой, глядишь, уже из-за поворота виднеется.

Веки больной начали слипаться. «Лучшее лечение стресса – природа. На ножки – сапожки, в руки – корзинку, и за грибами. Погуляешь по лесу, душа и успокоится. Так и запомни: природа – хороший лекарь» – это было последнее, что расслышала несчастная женщина, проваливаясь в сон.

Светлана очнулась от воспоминаний: «Вот отчего сестрица засылает меня в деревню...» – и тепло улыбнулась. Ксюша была моложе на два года, но почему-то считала своим долгом опекать старшую.

Они были совсем разные. Одна (Света) внешне удалась в отца – Виктора Романовича. Высокая, темноволосая, не худышка, но и не толстая. Не сказать, что красавица, но и далеко не дурнушка. От матери – Натальи Николаевны – ей достался мягкий покладистый характер.

Ксения же – миниатюрная блондинка с аккуратными локонами – мамина копия, напоминала немецкую фарфоровую куклу. К тому же обладала хрустальным голоском и подкупающей очаровательной улыбкой. Только упрямый нрав и потребность руководить унаследовала от покойного деда – бывшего преподавателя начальной военной подготовки. «Командирша» – так прозвали младшую в семье. Тройное материнство не отразилось на её фигуре. Видимо, женщина умудрялась командовать и собственным телом, потому что отменный аппетит был ей абсолютно не во вред.

Последний год она не спускала с сестры глаз. Истерик покинутая супруга больше не устраивала, даже не плакала, но и разговаривать на болезненную тему отказывалась. Хотя мысленно часто возвращалась в злополучный день.

Вот и сейчас, вместо того чтобы выполнять поручение и собирать чемодан, она привычно окунулась в прошлое. Лицо раскраснелось в считанные секунды. «Это несправедливо! – горячилась она, не замечая, что говорит вслух. – Это неправда! Нам всегда было хорошо вместе!»

Она помнила свою тяжёлую беременность. Сильный токсикоз почти до самых родов. Тогда Кирилл терпеливо сносил капризы, приносил с рынка продукты, готовил еду и уговаривал жену съесть чуть-чуть. Хоть чайную ложечку. Будущую мать то и дело отправляли в стационар, а верный муж каждый день навещал, утешал и вытирал ей слёзы. А потом, в отличие от остальных пап, с удовольствием гулял с коляской. И в сад дочь водил. На школьные собрания и Каринины соревнования по плаванию они зачастую ходили парой. Целоваться в лифте перестали, только когда там камеру поставили. Гостей принимали и отдыхали всегда весело.

Развлекались за океаном как могли: на дискотеках тряслись до утра, дайвинг, парашюты – всё это было, было! И вдруг – рядом с ней он старик!

Поток мыслей оборвал звук хлопнувшей двери. Явилась «командирша», у которой были свои ключи. Год назад она добровольно приняла на себя ответственность за судьбу Светланы. Как ребенка, таскала по врачам, покупала лекарство, советовалась с психотерапевтом. Специалист подтверждал, что пациентке требуется моральная поддержка, но Ксюша понимала это по-своему и бесцеремонно совала нос в дела опекаемой.

– Такое ощущение, что старше ты, – отбивалась та от нравоучений.

– У меня чувство вины. Это я в своё время поторопила тебя выйти замуж за этого кобеля.

На деле всё обстояло не совсем так. В девичестве сёстры носили фамилию Ивановы. Обыкновенная русская фамилия, но младшей она причиняла немало страданий. Во всех сказках Ивановы были дураками. Из школы она часто приходила в слезах. «Иван-дурак», «Иван-чай», «Иван-да-марья», «Ванька – дурак, курит табак...» – какими только прозвищами не награждали её мальчишки. Глупые стихи: «Ваня, Ваня – простота, купил лошадь без хвоста...» И песни: «Иван Иванович Иванов с утра ходит без штанов...» – всё было про неё.

Маленькая Ксюша не знала, что это всего лишь простой способ привлечь внимание хорошенькой одноклассницы, и с детских лет мечтала избавиться от фамилии, отравлявшей жизнь. К тому же, как выяснилось, Ивановых на свете огромное количество, а это делало её обладательницу одной из многих.

В выпускном классе, а случилось это в девятые, когда всё: мораль, нравственность, этика – было поставлено с ног на голову, девушка закрутила любовь со Станиславом Мещерским – симпатичным парнем из соседнего двора. Благозвучное имя, приятный тембр голоса – разве можно было устоять? К сожалению, на этом все достоинства молодого человека заканчивались. Он недавно вернулся из армии, но ни учиться, ни работать не хотел. С раннего утра был подшофе, а вечера просиживал на детской площадке с гитарой. По причине сумасшедшей любви Ксения чуть не завалила экзамены, в институт не попала и пока устроилась на почту.

С каждым днём роман набирал обороты, а «командирша» на глазах превращалась в послушную марионетку в руках возлюбленного. Мещерский не раз намекал, что готов связать судьбу с юной подружкой, и та с замиранием сердца тренировалась расписываться по-новому. Обманывать близких она не стала, пригласила Стаса в дом и познакомила с семьёй. Представляя гостя, не удержалась, поделилась радостью: «Как только мне исполнится восемнадцать, мы поженимся!»

Мать с отцом перепугались не на шутку: дочь совсем ребёнок, образования нет, работа временная. Да и жених ещё тот – явился знакомиться с будущими родственниками, а от самого пахнет спиртным. Наведя справки, родители ужаснулись. Оказалось, избранник их девочки – потомственный алкоголик, к тому же ужасный лентяй.

Упрямая Ксения ничего не желала знать и в ответ на предостережения беззаботно отвечала:

– Ну и что, что пьёт? После свадьбы бросит.

– Где вы жить планируете?

– У него.

– Ты понимаешь, что это значит – жить среди пьяниц?

– Что с того? Пусть себе пьют. У нас будет отдельная комната.

Влюблённой не хотелось забивать голову бытовыми проблемами. Ещё чуть-чуть, и её будут называть Ксенией Мещерской. Она сможет целыми днями слушать это волнующее пение. «Мама с папой у меня, как ёжики из леса, – снисходительно хихикала она про себя. – Ведь не зря говорят, что любовь спасёт мир. Стас исправится, и мы заживём долго и счастливо».

Со стороны пара смотрелась странно – девушка ангельской внешности из хорошей семьи и развязный, нагловатый тип. Пожилой участковый Семён Семёныч, регулярно навещавший

неблагополучную квартиру и хорошо знавший её обитателей, не раз предостерегал супругов Ивановых, но те лишь обречённо вздыхали. Что тут сказать? Дочь не пьёт, не курит, службу не прогуливает, ночует у себя и терпеливо дожидается совершеннолетия.

Приходя в проблемный дом, милиционер часто наблюдал одну и ту же сцену: подвыпивший Станислав с гитарой, развалившийся на кровати в пыльных ботинках, и чистенькая девушка, примостившаяся рядом на переломанном стуле, смотревшая на своего «героя» с обожаанием. «Нежная картина – ангел и скотина», – досадливо бормотал под нос участковый и, махнув рукой, уходил прочь. Гражданка Иванова режим не нарушала, а ответственность за любовь Уголовным кодексом не предусмотрена.

Чем активней родня и знакомые уговаривали Ксюшу бросить непутного приятеля, тем жарче разгоралось её чувство. Казалось, любимого все стремятся очернить и никто не желает понять и разглядеть его душу. В конце концов друзьям эта история надоела, они отступились – живи как знаешь! Родители заняли выжидательную позицию и неприятную тему не затрагивали.

Однажды Стас заявился к невесте поздно вечером, пьяный «в хлам», стал требовать на бутылку и угрожать расправой. Вмешался отец. Несмотря на разницу в возрасте, он легко взял горе-жениха за шиворот и спустил с лестницы. После этого демонстративно долго отмылся в ванной. Закончив процедуру, сквозь зубы выдавил: «Можешь продолжать встречаться с этим охломоном, но знай – ноги его больше здесь не будет. И ещё: денег на свадьбу мы не дадим».

Ночью Ксении не спалось. Она жалела парня, который выглядел беспомощно в крепких руках обидчика, и одновременно гордилась отцом. «Конечно, настоящий мужчина не позволит постороннему так себя вести», – размышляла она, ворочаясь с боку на бок. А ещё было поддельно смешно вспоминать перепуганное лицо Мещерского в соплях и слюнях.

Теперь о том, чтобы Ксюшин кавалер появился на пороге, не могло быть речи, и молодые всё чаще уединялись в отдельной комнате непутёвого жилища. Хотя комнатой это можно было назвать с трудом. Скорее чулан без окон, где едва помещались расшатанная софа без намека на постельное бельё, древняя тумбочка и табурет «ручной» работы. Гостья упорно не замечала убогой обстановки. Хозяин же каждый вечер радушно приглашал будущую жену к себе. Правда, перед этим требовалось зайти в универсам за провизией. Покупки оплачивала Ксюша и воспринимала это как должное: откуда у Стаса деньги – он ведь не работает. По этой же причине платила за пиво и сигареты. «Ну что у меня за женщина! – громко хвастался тунеядец кассиру. – Всё купит, никогда не ругается!»

Ужинать садились на кухне. Девушка раскладывала угощение на одноразовые тарелки и старалась не прикасаться к засаленному столу, отмыть который было невозможно. К нему тут же сползались такие же засаленные поддатые родственники, по-хозяйски располагались рядом и присоединялись к трапезе. Они хватали еду грязными пальцами с обломанными ногтями, при этом делали замечания и давали советы.

– Ты, Ксюха, такое печенье не покупай, не надо, – еле выговаривала слова мать, – уж на что у меня зубы железные, а никак не могу его расчавкать, так и липнет.

– А вот колбаска хороша! – нахваливал беззубый глава семьи. – Прямо тает во рту!

– Я выбирал, – гордо заявлял сын, – у меня вкус что надо!

На самом деле в продуктах он не разбирался и ориентировался только на цены. Обычно выискивал что подороже, тыкал пальцем в витрину: «Возьми вот это!» – и не реагировал на озабоченное лицо подруги.

То и дело родня кавалера, жалуясь на плохое самочувствие, клянчила у почтальонши на пол-литра. «Мы отдадим, не беспокойся, – уверяли они, – вот бабка деньги получит, и сразу вернём».

Бабушкина пенсия зачастую была их единственным источником дохода. Эту самую пенсию они пропивали все вместе и долги отдавать забывали. Побаиваясь участкового, алкоголики периодически устраивались на работу в районный ЖЭК, но после первой же зарплаты уходили в запой. Благодаря Семёну Семёнычу их поначалу не выгоняли – предупреждали, воспитывали. Прогульщики лили слёзы, клялись, но обещаний хватало лишь до следующей получки. Увольнение Мещерских не огорчало, тем более что статью за тунеядство отменили.

Супруги Ивановы денег с дочери не спрашивали: какой у почтальона доход? Крохи. Пусть тратит трудовые копейки на себя. Но для себя у неё ничего не оставалось. Чтобы жених выглядел прилично, приходилось покупать ему одежду. Вот только вещи вскоре пропадали. Парень, честно глядя в глаза, каждый раз объяснял их исчезновение: украли, потерял, оставил.

– Пропил, лентяй несчастный! – злилась Ксюшина подруга Ляля, приземистая, длинноногая и очень уверенная в себе девица. Стаса она терпеть не могла.

– Он устроился грузчиком на овощную базу.

– Значит, в конце дня получает расчёт. Скажи, хоть раз подарил тебе шоколадку?

– У них задолженность по квартплате, гасить надо.

– Видела я, как он этот долг гасит за углом винного. Ещё и скупердяй вдобавок. А ты – дура!

Ссориться с Лялей не хотелось, и Ксюша отмалчивалась. Остальные друзья давно перестали интересоваться её проблемами. Надобность сражаться за право на счастье постепенно отпала, и контраст между двумя семьями стал бросаться ей в глаза. В родительском доме всегда было спокойно и чисто. «Тихая гавань» – так называл его отец. Мама каждый день готовила обед, отчего квартира наполнялась ароматами. Да и сама атмосфера здесь была приятна.

Жилище Мещерских, которое Ляля язвительно окрестила «притоном», пропиталось грязью. Сколько бы Ксения ни пыталась навести там порядок, ничего не получалось. Хозяйева шлёпали в уличной обуви по вымытому ею полу, тушили окурки о подоконники и бросали под ноги. На мух и тараканов никто не обращал внимания. Здесь люди жили так, как хотели, для них это было нормой. Ещё большая грязь царил в отношениях. В этом семействе не только разговаривали – дышали матом. За глоток палёной водки пьяницы готовы были вцепиться друг другу в горло. У них частенько собирались компании, а драки не были редкостью. Стас говорил, что прежде бабушка спиртное в рот не брала, но, видимо, измучившись от такой жизни, тоже начала прикладываться к бутылке.

Поначалу родственники жениха старались сдерживаться, но, привыкнув к без пяти минут невестке, показали себя во всей красе. Всё чаще Ксения стала всерьёз задумываться о будущем – вот-вот ей стукнет восемнадцать. Сомнениями можно было поделиться только с Лялей.

– Как мне быть? Я совсем запуталась. Знаешь, ведь когда мы вдвоём, Стас понимает меня с полуслова. Делится планами. Такой родной и близкий человек!

– Да он одной лапой обнимает, а другой – в твоём кармане шарит. Посмотри, все шмотки на нём куплены на твою зарплату!

– Но я люблю его.

– Любишь – люби.

– Я замуж за него хочу.

– Хочешь – выходи, – хмыкнула подруга.

– Ты на свадьбу придёшь?

– Нет!

– Почему?

– Западло.

Ксюша обиделась и замолчала.

– Ксюня, не обижайся, пошутила я, – рассмеялась Ляля. – Ну о чём ты? Какая свадьба? Деньги на неё откуда? Да и не пойдёт к вам никто, одна алкашня.

– Денег можно в долг взять. Потом Стас устроится на постоянную работу, и мы вернём. А ты вправду думаешь, что гости не придут?

– Слушай, ты со своим Мещерским сделалась как блаженная. Таращишься на этого придурка влюблённой короной, противно прямо. Во что ты превратилась? Кем была и кто теперь? «Командирша», называется. Марионетка. Он вертит тобой как хочет. И главное, так быстро приручил! Тьфу! Даже обидно. Будь у меня такая внешность – ходила бы, как по подиуму, и мужики за мной колоннами по четыре в ряд, а ты... В общем, поступай как хочешь, только отстань от меня. Тошнит уже от этих разговоров.

Остаток дня резкие слова крутились в голове. Вечер Ксения провела у себя: Стас не явился на свидание. «Наверняка встретил такого же поклонника Бахуса и не может от стакана оторваться», – ничуть не сомневалась она и, чтобы отвлечься, нырнула в постель с книгой. Света ушла в кино, родители на кухне пили чай и переговаривались вполголоса. По доносившемуся маминую хихиканью было не трудно догадаться – папа рассказывает забавную историю.

Отложив роман, – все равно не читается, девушка задумалась: у неё испортились отношения с близкими, она теряет уважение окружающих. «Как блаженная» – фраза больно уколола сердце. Почему-то Ляля упорно не соглашается, что любовь требует жертв. Вспомнился вчерашний случай.

Со своей огромной рабочей сумкой Ксения шла по двору, и из-за угла на неё выскочила перепуганная женщина. Сначала показалось, что та не в себе – взгляд безумный, нечёсанные волосы, стянутые в хвост банковской резинкой, кеды на босу ногу, а на вытянутой футболке, на груди, расплылись два мокрых пятна. С ходу «сумасшедшая» озадачила вопросом: не видела ли почтальонка детской коляски? Оказалось, странная дамочка недавно выписалась из родильного дома. Утром её супруг вызвался погулять с грудным младенцем, а к обеду горе-папашу привели под руки нетрезвые товарищи. Все трое таращили глаза и силились понять, что с них спрашивают.

Ксения тут же взяла инициативу на себя и предложила обойти по очереди ближайшие рюмочные. Предположение оправдалось: коляска, в которой ворочался и покряхтывал малыш, сиротливо стояла возле одной из забегаловок. Мамаша судорожно обшарила ребенка, словно проверяя, на месте ли руки-ноги, и чуть ли не бегом увезла его подальше от питейного заведения, забыв поблагодарить помощницу. То ли от счастья, то ли вспомнив, что в квартире остался пьяный муж с двумя подозрительными личностями.

Воспоминания вызвали вздох, а из-за дверей опять послышался тихий смех. Ксюша села в кровати, потёрла лоб. «А ведь права Ляля – я и правда как блаженная. Интересно, что меня ждёт? Будет ли в моей семье вот такой спокойный отдых за чашкой чая? Хотя, скорей всего, придётся носиться по подворотням, как та полусумасшедшая с растрёпанным хвостом. Как же это так получилось?» Мысли и вопросы, которые ещё пару месяцев назад не волновали, сейчас беспокойно вертелись в голове. Следовало разобраться.

Лязгнул замок – это сестра пришла из кинотеатра. Ксюша упала на подушку и отвернулась к стене, что означало «не беспокоить». Снова и снова она мысленно прокручивала отрезок собственной жизни с момента появления в ней красавца Мещерского. Словно смотрела мелодраму с собой в главной роли. При этом героиня больше вызывала отвращение и брезгливость, чем понимание и сочувствие.

Не сказать, что поутру Ксения Иванова проснулась другим человеком. Она лишь стала собой прежней – «командиршей». Розовые очки разбились вдребезги, и возлюбленный предстал во всей красе: лодырь, эгоист и пьяница, у которого нет ни друзей, ни приятелей – одни собутыльники. Копаться в себе, анализировать факты прозревшая не собиралась – зачем? Стоило просто прекратить отношения, но сделать это постепенно, чтобы избежать бурных раз-

борок, душещипательных бесед с родителями и не слышать Лялиного победного «Я же говорила – бросай!» Всё незаметно должно сойти на нет.

На деле это оказалось сложней. Стас тут же почувствовал холодок в отношениях. Подруга не появлялась в его комнате, вдруг сообщила, что готовится к экзаменам в институт, а потому очень занята. Завидев на улице его родню, переходила на другую сторону.

Теперь встречи молодых людей ограничивались короткой пустой болтовней около подъезда, но отпускать «добычу», а тем более её кошелек, Станислав не собирался. На какое-то время он даже бросил пить, божился, что устраивается на завод слесарем, и умолял вернуться. Потом уговоры сменились угрозами, и, наконец, отвергнутый жених принялся давить на жалость. Он так натурально, со слезой в голосе клялся в вечной любви, что Ксения на минуту засомневалась: может, не врёт? Хотя здравый смысл подсказывал: если мужчина между любимой и глотком портвейна выбирает вино, вряд ли тут можно рассуждать о высоких чувствах. Исчерпав все возможности, Стас объявил: если бессердечная не одумается, он покончит с собой.

Пришлось поделиться опасениями с Лялей. «Да это же трус и подонок, – уверяла та, – он просто запугивает тебя».

Мещерский словно подслушал разговор подруг. Подловив в очередной раз бывшую невесту, он скривил губы в горькой усмешке: «Ты сомневаешься, что я на это решусь?» Глаза налились слезами сострадания к себе, плечи опустились. «Прощай!» – прошептал экс-жених и, загребая ботинками песок, горестно поплёлся прочь.

Ночью Ксюше не спалось. Тяжёлые мысли заставляли учащённо биться сердце: если такое случится, жить с грузом вины будет невозможно. Под утро девушка даже соскочила с кровати, чтобы бежать на помощь, но рассудок опять одержал победу: нужно стоять на своём, иначе шантаж не прекратится.

Тревога не проходила. Как только на работе выдалась свободная минутка, почтальонша набрала номер Ляли – узнать, нет ли новостей. «Да успокойся, – засмеялась та, – видела я его сейчас. Сыт, пьян и нос в табаке. Нашла о ком переживать!»

Наталья Николаевна и Виктор Романович догадывались, что происходит, но ни о чём не спрашивали дочь: захочет – поделится сама. Та помалкивала. За сутки повзрослев, она сгорала от стыда, вспоминая свои слова и поступки, но признаться в этом не хотела.

Выручила бабушка. Она прикатила из деревни погостить и очень интересовалась судьбой Светы – вот-вот двадцать исполнится, под венец пора. Старшая внучка старалась избегать этой темы. Да и что отвечать, если на данный момент кандидатов в мужа не наблюдалось? Грозная бабуля, которая делала вид, что она не в курсе семейных дел, переключилась на Ксению: «А ты, малявка, не вздумай влезть без очереди. Негоже, чтобы младшая сочеталась браком вперед старшей! Иначе той век в девках куковать! И не кривись! – заметив ухмылку, повысила голос пожилая женщина. – На твою пору кавалеров хватит». В ответ хитрая девица погасила улыбку, похлопала кукольными ресницами и, словно подчиняясь приказу, уступила: «Так и быть, не пойду за Стаса. Подожду лучший вариант».

В квартире воцарился покой. Родители не сердились на дочь. «Каждый имеет право на ошибку, – рассудили они, – тем более наша девочка такая юная и неопытная». Как по заказу, Света вскоре встретила Кирилла и даже получила предложение, но принимать его не спешила. Хотя Ивановы-старшие выбор одобряли.

Тут восемнадцатилетняя особа опять заявила о себе:

– Ты долго не затягивай со свадьбой. Я вроде как тоже замуж собралась.

Наталья Николаевна тревожно посмотрела на супруга.

– И кто наш потенциальный муж? – посуровел тот.

– Сеня.

– Господи! – всхлипнула мать. – Ещё Сеня какой-то свалился на нашу голову!

– Погоди, Наташа, – остановил Виктор Романович и повернулся к дочери: – Ты хоть приведи его, познакомь. Покажи, что за фрукт твой Сеня.

– Никакой он не фрукт. Познакомиться хотите? Да сколько угодно!

Назавтра она предъявила нового избранника родственникам, и те облегчённо вздохнули. Волновались зря – будущий зять им приглянулся. Крепкий, рослый, широколицый, с глубокой складкой между бровями, не по годам серьёзный и молчаливый. Он был старше невесты, работал в городской администрации и носил красивое имя – Арсений. Парень рано осиротел и привык пробиваться в жизни самостоятельно, чем тут же завоевал расположение главы семьи Ивановых и сочувствие его супруги. С того дня молодой человек стал частым и желанным гостем в доме. Семейство Ивановых в нём души не чаяло, но младшая вдруг перестала заикаться о своих планах.

Потеряв терпение, отец решил уточнить, а может, и поторопить события:

– Ну что? Когда будете заявление в ЗАГС подавать?

– Не знаю, – протянула дочь, – я ещё подумаю.

– Что тут думать-то? – расстроилась Наталья Николаевна – Такого парня упустишь, до конца дней локти кусать будешь!

– Постой, мама, не торопись. Раз Ксюшка сомневается, значит, есть причина, – вмешалась Света. – Он женат?

– А вот и не угадала, – по-детски захлопала в ладоши сестра и тут же посерьезнела: – Хочу как следует всё взвесить.

– Да что тут взвешивать! – горячился глава семьи. – Невооружённым глазом видно, что пара достойная! Пойми: Арсений – стоящий мужик, будешь за ним как за каменной стеной! И главное, тебя любит.

Вместо ответа девушка налила себе чаю и принялась уплетать торт. Ей нравилось держать родных в тонусе и наблюдать, как те обеспокоены её судьбой. К тому же она (Ксюша) лучше других знала – Сеня хороший. Прямая противоположность бывшему возлюбленному: порядочный, заботливый и щедрый. Балует её, покупает цветы, конфеты.

На днях даже произошёл интересный случай. Незадолго до расставания со Стасом у Ксении пропали часы. Эти часики она преподнесла сама себе на 8 Марта и очень переживала из-за их исчезновения.

– Уж не думаешь ли ты, что я взял?! – возмутился тогда Мещерский, глядя в сторону.

Часы так и не нашлись. А недавно почти такие же ей подарил Арсений. Как в сказке! Да, что ни говори, а нынешний жених у неё замечательный! И кажется, она влюбилась по-настоящему.

Виктор Романович по-своему истолковал молчание дочери и предпринял очередную попытку на неё повлиять:

– Неужели не видишь, как тебе повезло? А то подцепишь опять какого-нибудь...

Он осёкся, замолчал и виновато глянул на свою половину. Та укоризненно покачала головой.

На последнюю фразу младшая отреагировала в своей манере. Покивала и затараторила:

– Да я знаю, мне всегда везёт, только не с первого раза. Вот, к примеру, на прошлой неделе был приколы. В универмаге «выбросили» пластиковые тазики, такие хорошенькие, с двумя ручками. Голубые и зелёные. Я в очереди стояла два часа. Голубой очень понравился. И перед самым моим носом они закончились. Даже зелёные. Я огорчилась, пришла домой, а там такой тазик. И именно голубой. Оказывается, мама купила! Помнишь, мам? Так здорово!

Мужчина открыл было рот, но не нашёлся что сказать. Почесал затылок, пробубнил: «Удачное сравнение» – и вышел из кухни.

Позже Ксюша по секрету поведала сестре:

– Знаешь, что меня смущает? У Арсения фамилия – Петров.

– И что? Фамилия как фамилия. Вполне приличная.

– Да я знаю, но обидно, понимаешь. Всю жизнь была Иванова, стану Петрова. Будто вещь какая – была Ванина, стала Петина. Вот тебе свезло – будешь Хрусталёва!

– Всё-таки ты ещё маленькая и глупенькая, – рассмеялась Светлана. – Оставь свои детские комплексы. Но знаешь, ради тебя я потороплюсь с решением.

Ксения довольно усмехнулась. Она не озвучила, что в глубине души побаивается бабушкиных предсказаний. Что, если и вправду из-за неё Света рискует остаться старой девой?

Вскоре Ивановы сыграли подряд две свадьбы, и девушки выпорхнули из родительского гнезда. Мать загрустила, да и супруг её с той поры часто делился с друзьями:

– Вот так: растил-растил дочерей, по заднице ни одну ни разу не шлёпнул. Наталья говорила, что девочек бить нельзя, надо словами воспитывать. А где столько слов-то набрать? Вот выросли и ушли в чужие дома. Дай бог, внучат бы нарожали.

Они нарожали. Через год у молодожёнов Хрусталёвых появилась Карина. Ксения сестру обскакала: одного за другим произвела на свет двоих сыновей и дочь. Жаль только, что Ивановы-старшие прожили недолго – погибли в ДТП, едва дождавшись первых внуков. Как в утешение сёстрам, Господь наделил каждого из их детей талантом.

Всё это были события давно ушедших дней, а сейчас Ксении предстояло отправить подопечную отдыхать.

– Тебе необходимо восстановить здоровье, вернуться в норму. Я тебя ещё замуж выдам. А что? Тридцать семь – не возраст. Может, ещё ребенка родишь, – планировала энергичная дамочка будущее родственницы.

Та лишь вздыхала, словно её отправляли в ссылку.

– Ну не грусти, всё будет отлично, – подбадривала Ксения, – доставлю тебя до места, а потом заберу обратно. Твоё дело – отдыхать, гулять и пить молоко. Дай-ка проверю, что ты там собрала, – и принялась бесцеремонно рыться в сумках.

Поучать и наставлять людей «командирше» нравилось. Когда-то она мечтала о высшем педагогическом, но мечты так и остались мечтами. Замужество, дети, а потом – вроде уж и поздно. Хорошо хоть, умудрилась заочно окончить колледж и распрощалась с почтальонским баулом.

Арсений Егорович Петров за прошедшие годы поднялся вверх по карьерной лестнице и теперь занимал солидный пост. Правда, это нисколько не мешало оператору почтовой связи давать советы и консультации мужу. Он же при этом молча смотрел на жену и улыбался. О чём размышлял «слуга народа» в ту минуту – было загадкой: то ли соглашался с высказанным, то ли просто любовался неувядающей женской красотой. Одно не оставляло сомнений: для этого человека существуют только работа и дом. Со службы глава семьи нередко приходил как выжатый лимон. Но любую свободную минуту посвящал домочадцам, не признавая развлечений на стороне, корпоративных мероприятий и отдыха в мужской компании. Только с супругой и детьми.

Своими тремя отпрысками он гордился. Старший, Антон, с детства всерьёз занимался хоккеем, учился в Питерском училище Олимпийского резерва и жил вдалеке от родителей. Тренеры возлагали на юношу большие надежды. Только матери, несмотря на все перспективы, было обидно до слёз. С первенцем она виделась редко, его воспитывали чужие люди, а когда у ершистого хоккеиста возникали проблемы, он почему-то звонил не ей, а папе, который сразу отправлялся в свой кабинет. Ксения шла следом, прислушивалась к разговору и пыталась понять, о чём речь. Говорил в основном Антон, отец при этом сосредоточенно потирал переносицу. Дав выговориться, задавал один и тот же вопрос: «А сам ты как думаешь?» – и опять надолго умолкал. В такие моменты в женской душе всё клокотало. Вот немтырь несчастный! Ребёнок советуется, а этот молчит как пень! Ах, сколько всего она смогла бы подсказать! Но сын информировал мать только о своих достижениях.

Дочь Петровых – двенадцатилетняя не по годам серьёзная Альбина, обучалась в двух школах: общеобразовательной и музыкальной по классу фортепиано, и в обеих делала успехи. Её день был расписан по минутам. Занятия, репетиции, выступления. Девочке нравилось быть в центре внимания, быть лучшей, а это требовало много сил и времени.

Бывало, Арсений Егорович, проскользнув в помещение, где она упражнялась, устраивался в кресле и прикрывал веки. Если бы не нога, выбивающая такт, могло показаться, что он спит. Когда музыкантша сбивалась, брови родителя хмурились. Несколько раз мелодия спотыкалась, крутилась на одном и том же месте и, наконец, лилась ровно. Тогда лицо слушателя вновь разглаживалось. Сам он таким талантом не обладал и Алё слушал с удовольствием. Вскоре, чтобы не отвлекать, бесшумно, несмотря на внушительную комплекцию, вставал, целовал пианистку в макушку и исчезал.

Наблюдая такую сцену, благоверная ворчала про себя: «Вот селёдка безъязыкая, хоть бы одобрил её старания! Так нет – чмокнул в маковку и до свидания!» Для Альбины же это было высокой похвалой. На долю мамы выпадала лишь уборка в комнате вечно занятой дочери.

Младший из Петровых, Святослав, внешне походил на мать и казался не от мира сего. Мальчик увлекался рисованием, и в художественной школе ему прочили большое будущее. Взгляд Славиных голубых глаз зачастую устремлялся вдаль. Как будто он видел нечто такое, что простым смертным увидеть не дано. Юному дарованию многое прощалось. Не раз Вера Александровна, его классный руководитель – «англичанка», призывала коллег проявить к подрастающей знаменитости снисхождение.

Однажды на профессиональный праздник Слава подарил любимому учителю картину – крупная алая роза в каплях росы. Нарисованный цветок смотрелся натуральнее, чем его настоящие живые сородичи. Он словно дышал и издавал тонкий аромат. Под очками педагога заблестела влага.

– Дети, Святослав Петров – наша гордость, он обязательно прославит город!

Спустя неделю на уроке английского языка Славу вызвали отвечать. Он путался, запинаясь, искал подсказки на потолке и, несмотря ни на что, получил «четыре». Следующей к доске пошла его соседка по парте Таня. Она тоже оказалась плохо подготовлена и схлопотала справедливую «тройку». Садясь на место, Таня злым шёпотом бросила: «Мерзкий подхалим!»

Прозвенел звонок, школьники вышли в коридор. Когда перемена закончилась, юный художник, глядя на одноклассницу невинно-голубыми глазами, протянул листок. Та ахнула – на рисунке была она, Таня, в ромашковом поле, с венком на распущенных чуть вьющихся волосах. «Спасибо!» – прошептала девочка, розовея от удовольствия. Вокруг столпились ребята. «Вот это да! Ну ты даёшь! А меня нарисуй!» – послышалось отовсюду. Слава же смотрел куда-то вдаль и, казалось, ничего не слышал...

В огромной квартире маленькому живописцу была выделена мастерская. Арсений любил в неё наведываться, когда тот работал. Отец подолгу пристально разглядывал незаконченное творение: отходил, вновь приближался, прищуривался и вдруг упирался взглядом в какую-то точку. Мальчик перехватывал этот взгляд, на миг замирал, быстро замешивал краску и что-то подправлял на холсте. Два-три мазка, и родитель удовлетворённо кивал, а сын благодарно молча прижимался к нему плечом.

«Ведь даже звука не произнёс! – сокрушалась про себя всевидящая Ксюша. – И этот мелкий туда же – всё молчком». Стоит заметить, что в живописи, как и в музыке, Петров-старший не разбирался.

Что сказать, Фортуна Ксении улыбалась. Вот только потребность воспитателя у неё никак не получалось удовлетворить. «Бодливой корове бог рог не даёт, – подшучивала Светлана. – Так и быть, воспитывай меня». Её саму удивляло этакое жгучее желание поучать других, и, тем не менее, в определённых кругах сестра была востребована. Бабушки-пенсионерки частенько советовались с ней, изливали душу, начиная рассказ о своей тяжелой судьбе чуть ли не с пеле-

нок. Словно эта симпатичная дама знала жизнь лучше, чем убелённые сединами старушки. Почтальонша служила для них чем-то вроде психотерапевта, к тому же пользовалась непре-рекаемым авторитетом. Все знали: у неё прекрасные дети и муж – большой чин, к тому же порядочный семьянин.

Семья для Арсения Егоровича и правда была святое. Близкие, и даже троюродные и четвероюродные Ивановы, могли рассчитывать на его поддержку. Родня его боготворила, но в стенах городской администрации коллеги недолюбливали за требовательность и жесткость. Говорил он мало, но при звуках его голоса подчинённые вытягивались в струнку. Слуг народа он не разделял на сильный и слабый пол и если уж открывал рот, то выражений не выбирал. Неопытные сотрудницы откровенно боялись начальника, да и видавшие виды пожилые матроны зачастую прятали заплаканные глаза.

Ксюша об этом знала, но всегда принимала сторону супруга, тем более между работой и домашним очагом у того была проведена чёткая граница. Несмотря на своеобразный характер спутника жизни, его жена была счастлива в браке и считала, что её Сеня – один на миллион.

Для Светы Арсений был как брат. В тот злополучный день, узнав, что от неё ушел Кирилл, свояк тут же поинтересовался чем помочь: деньги, лекарства, путёвка в санаторий? Оставил все дела и пришёл навестить больную. Завидев его, несчастная расплакалась, а тот обнял её, усадил на диван и, поглаживая по плечу, еле слышно шептал: «Ну-ну...» Ксюша наблюдала за ними и шипела из угла как змея: «Ну-ну... Будто и слов-то других нет! Как в конюшне. Начальник-молчальник!»

Итак, к утру вещи были собраны, машина в ожидании красовалась у подъезда. Карина на прощанье расцеловала отъезжающих, и те отправились в путь.

За разговорами время пролетело незаметно, вскоре красная иномарка въехала в тихую деревушку. Местных жителей здесь было немного, в основном отдыхающие. Притормозить с шиком напротив калитки не получилось – слишком разбитая дорога. Но когда чемодан на колёсах, прогуляться пешком по хорошей погоде очень даже неплохо.

Выбор «командирши» отпускница оценила – места красивые. Лес в двух шагах, река рядом. И цветы, море полевых цветов. Чистый невесомый воздух тонкими струйками проникал через поры кожи внутрь. Светлана подняла голову – небо без единой тучки. «Природа – лучший лекар» – припомнился совет усатого доктора. «Всё будет хорошо!» – шепнуло сердце, и, почувствовав невероятную легкость, женщина раскинула руки, прикрыла глаза и закружилась. «Догоняй!» – прервала её слияние с внешним миром сестра, успевшая отойти на приличное расстояние. Света припустила вдогонку, беззаботно оглядываясь вокруг, не замечая, что часть домиков покосилась, а заборы требуют ремонта. Откуда-то донёсся треск работающего трактора, раздался лай собаки, мычание коровы. Теперь эти звуки на целый месяц войдут в её жизнь.

– Вот, – сказала Ксения, остановившись напротив небольшой избушки, – здесь ты будешь жить. – И настороженно глянула на подопечную: – Ну как?

– Здорово, – кивнула та, зашла в помещение и мгновенно почувствовала себя как дома.

– Интернета нет, – стрекотал командирский голос, – чтобы поговорить по сотовому телефону, выйдешь на улицу и поднимешься на пригорок. Но это к лучшему. Отдыхай спокойно, приедешь – наболтаемся. Не волнуйся, Карина пока поживёт у нас.

Опекаемая улыбнулась – забота была приятна.

Телевизора ни в одной из двух маленьких комнат не оказалось, только старое радио на кухне. Стоило повернуть ручку, как из динамика полилась мелодия. Работает!

– Этого хватит, – завершила Света, – я специально ноутбук брать не стала. Отдыхать – значит отдыхать! Буду восстанавливать нервную систему. Давай-ка по чайку и поезжай домой. Я сама справлюсь.

– И правда пора, – заторопилась младшая, – некогда засиживаться. На заправке кофе выпью. Кстати, вот банка. За молоком будешь ходить на другой конец деревни. Там такой пятистенок с синими наличниками найдёшь или спросишь у кого-нибудь. Здесь и корова-то одна на всю округу.

Выпроводив сестрицу, Светлана Хрусталёва убрала в холодильник продукты, вскипятила чайник (современный, со свистком!) и пристроилась с бокалом у окошка. Изба, в которой она поселилась, стояла на краю, у самого леса, но это совсем не пугало. То плохое, что могло случиться, уже произошло.

Закончив чаепитие, временная хозяйка обошла жилище, заглянула во все (не пыльные) углы, собралась отдохнуть, но с огорчением вспомнила, что забыла прихватить постельные принадлежности. Её ожидал сюрприз. Кровать в уютной спальне была застелена белоснежным накрахмаленным бельём. А главное – там лежала настоящая перина. «Как в сказке!» – обрадовалась путешественница, свернулась калачиком на мягком ложе и заснула.

Её разбудил звон тишины. Не сразу сообразив, где находится, прищурившись со сна, женщина взглянула на часы – уже вечер. Накатившую было тоску прогнал испуг: Ксюша приказала после вечерней дойки забирать молоко. Когда заканчивается эта самая вечерняя дойка, Светлана не помнила. Значит, надо сходить на разведку.

С непривычки дорога показалась длинной. К счастью, пятистенок с синими наличниками нашёлся сразу. Толкнув незапертую калитку, приезжая лицом к лицу оказалась перед мужчиной примерно своего возраста, в клетчатой рубашке с засученными по-хозяйски рукавами, с рубанком в пыльных пальцах и с торчащими волосами, слегка присыпанными золотистой кудрявой стружкой. Плечистый, ни дать ни взять – дровосек. Он очутился совсем близко, Света успела поймать серо-зелёный взгляд и ощутила забытый запах разгорячённого мужского тела.

– Я... вот... – растерялась она и протянула пустую банку.

– Так вы за молоком? – догадался тот, шагнул в сторону и прокричал: – Тётя Клава! Это к вам!

Клавдия Михайловна вышла навстречу. Несмотря на простое цветастое платье и вспухшие вены на натруженных руках, она напоминала состарившуюся сельскую учительницу. Внимательно оглядела гостью, улыбнулась приветливо и пригласила пройти. Отряхнувшись, «дровосек» зашёл следом.

Старушка наполнила тару, но отпускать клиентку не торопилась. Принялась расспрашивать, откуда та явилась, допытывалась, не требуется ли чего: может, яблок или овощей каких – всё со своего огорода. Света спиной чувствовала пристальный серо-зелёный взгляд и стремилась к одному – поскорей уйти.

– Присаживайся, чайку попьём с вареньем, оно у меня как мёд! – не отступалась бабушка. – Да, кстати, познакомься – мой племянник Дмитрий Зубов. Прошу любить и жаловать. Тоже городской. Вот приехал помочь по хозяйству. Если отремонтировать, подколлотить чего понадобится – обращайся. Он всё умеет.

– Спасибо, ничего не надо, – пробормотала покупательница, мелкими шажками пробираясь к выходу.

Зубов перехватил её на крыльце, забрал банку.

– Пойдёмте, провожу. Смеркается, ещё заблудитесь.

Уклониться от предложения было неудобно, да, собственно, согласия никто и не спрашивал. На улице к Светлане вернулась уверенность.

– Зря вы от чая отказались, – заметил новый знакомый. – Не думайте, Клавдия Михална у меня хоть и старая, но аккуратная. У нее всё стерильно. Да и готовит вкусно.

– Я постеснялась, – откровенно призналась попутчица.

Искренний ответ разом стёр неловкость, разговор потёк легко и непринуждённо. У порога Дима попросил разрешения зайти посмотреть, как устроилась отпускница. «Навер-

ное, нужно предложить чай-кофе» – пришло Свете в голову, но озвучить это она не решилась: мало ли что о ней подумает новоиспечённый сосед.

Мужчина деловито обошёл дом, проверил запоры. Строго-настрого наказал запереться на засов и занавесить окна.

– Да вы не пугайтесь, вообще-то здесь тихо, но мало ли что... Не хочется, чтобы такую красивую даму кто-нибудь обидел. А может, завтра по холодку за грибами прогуляемся?

– Зачем мне грибы? Что я буду с ними делать?

– Сушить, конечно. Привезёте домашним гостинец. Ну так как? Идём? Соглашайтесь, не пожалеете. Я места хорошие знаю, каждый год сюда езжу. Тянет как магнитом.

Не придумав причины для отказа, собеседница кивнула.

Гость ушёл. Светлана послушно заперлась на все замки, выпила стакан молока и легла в постель. Перина ласково обняла женское тело, а его обладательнице до боли стало жаль себя. Она никуда не хотела идти с этим малознакомым Димой. Вот если бы здесь был Кирилл! Но Кирилл принадлежит другой. У него новая семья, и, как недавно сообщили доброжелатели, молодая супруга родила ему сына. Раньше Света ждала, очень ждала, что муж вернётся. Обижалась, злилась, ненавидела и не признавалась самой себе, что готова принять неверного назад. Появление ребёнка лишило её надежды. Это всё, конец!

Сейчас одна-одинёшенька, на чужой кровати она горько плакала в подушку по ушедшему счастью.

На заре раздался осторожный стук. Света откинула занавеску: вчерашний знакомый с корзиной в руках топтался у крыльца. Пять минут – показала она на пальцах и бросилась одеваться. Мало-мальски приведя себя в порядок, выскочила на улицу и вместо приветствия сказала:

– Оказывается, так удобно, когда в шкафу мало вещей. В городе я обычно копаюсь, копаюсь, всё никак собраться не могу. А тут раз-два – и готова. Вот только кофе не успела выпить.

– Ничего, мы недолго. У нас сегодня ознакомительная экскурсия, – с любопытством разглядывая спутницу, улыбнулся Дима.

В резиновых сапогах, без причёски она была очень привлекательна, даже скромный платок смотрелся на ней весьма симпатично. Молодые люди бодро зашагали по тропинке и вскоре быстро перешли на «ты».

Весёлый мужской взгляд в конце концов смутил Свету:

– Я глупо выгляжу в такой одежде?

– Нет, нет, – прозвучало торопливо, – знаешь, вчера твои глаза были грустные и испуганные. Точно кто-то тебя обидел, а мне захотелось защитить. Сегодня ты совсем другая.

– А глаза? – лёгкое кокетство скрыть не удалось.

– Сейчас они, как у ребёнка – словно росой умытые. Давай, смотри внимательно под ноги.

Собирать грибы Света не умела. Бродила по пятам за опытным напарником и боялась потерять его из виду.

– Ты что, в лесу не бывала?

– Знаешь, мы с мужем почему-то никогда этим не увлекались, – ответила женщина и осеклась. На лицо набежала тень.

– Это он тебя так обидел? Изменил?

– Ушёл.

– Давно?

– В прошлом году.

– Ну ничего, может, ещё передумает. Год-полтора – испытательный срок в таком деле.

– Не тот случай, – Света сорвала травинку, погрызла и бросила на землю. – Там всё серьёзно: жена-модель, наследник.

– Бывает, – в голосе слышалось искреннее сочувствие, – случаются в жизни зигзаги. Говорят, в любой ситуации надо найти свои плюсы. Давай искать. Вот смотри: не ушёл бы он, и мы с тобой не встретились бы. И ты никогда не узнала бы вкус «грибной охоты». Итак, я понял, стоит начать с азов.

Он подобрал два прутика – себе и ей. Своим тут же приподнял листву под ёлкой: «Видишь?»

Света присела, разглядела этакий пузатенький грибок с прилипшим к шляпке листом и обрадовалась как маленькая.

– Достань нож и аккуратно срежь, чтобы не повредить грибницу. Это самый настоящий белый. Они растут семьями.

Тут Светлана заметила ещё такого же крепыша, только чуть меньше. Потом ещё одного и ещё. Рассмеялась. Просто чудо какое-то. Грибы словно сами выглядывали из-под колючих веток. Как это она сразу их не заметила?

Когда пара вышла на тропинку, ведущую к деревне, ярко светило солнце. Трофеев в корзинах набралось не так много, зато «городская», как выразился наставник, прошла курс молодого бойца.

Они остановились у калитки.

– Сейчас перекуси и отдохни.

– А с добычей что делать?

– Забери с собой. Я пойду к тётке Клаве – обещал кой-чего подколотить. Освобожусь – вернусь. Будем варить грибной суп. Умеешь?

– Нет.

– Научу.

Суп, сваренный в четыре руки, удался на славу.

– Это была репетиция, завтра я покажу хорошие места, – объявил Дима, помогая расправиться с грязной посудой, – поищи тару побольше. Буду учить тебя сушить грибы. Удивишь родных – привезёшь им подарок. Та симпатичная дама на красном лимузине – твоя родственница?

– Сестра младшая. Понравилась?

– Вы совсем не похожи.

Дмитрий засобирался уходить. На пороге повернулся: «Мне понравилась ты» – и исчез. Обмануть чуткое сердце трудно, оно подсказало: это не дежурный комплимент. Света подошла к древнему зеркалу, придирчиво рассмотрела отражение, вздохнула – куда уж ей до Ксении!

Вечером недавний знакомый замаячил в дверях:

– Тётя Клава ждёт, молоко приговорила. Давай провожу.

В дом тётки племянник не зашёл, курил возле забора в ожидании сопроводить покупательницу обратно.

– Клавдия Михайловна знает, что ты заходил ко мне?

– Нет, зачем? Мало ли что ей в голову взбредёт, будет переживать. У меня ведь семья. А тётушка – пожилой старорежимный человек. Не стоит её волновать.

За разговорами они незаметно вошли в крайнюю избу.

– Могу предложить чай. Телевизора нет, развлечь тебя нечем, – улыбнулась хозяйка, – вот, только радио.

Она включила приёмник, и оттуда полилась трогательная душа мелодия. Популярный певец исполнял грустную песню о белом лебеде и упавшей звезде.

– Можно тебя пригласить? – неожиданно спросил гость и протянул руку.

Танцую с малознакомым женатым мужчиной, в комнате, где царил полумрак, Светлана вдруг снова ощутила себя женщиной. Любимой и желанной, молодой и красивой, уверенной в своей женской силе и невероятно счастливой.

Аккорды стихли, танец оборвался. Дмитрий помедлил и нехотя отпустил партнёршу.
– Пойдём прогуляемся, – хрипло выдавил он, – будешь крепче спать.

Не дожидаясь ответа, поймал её горячие пальцы и вывел на улицу.

Поутру опять раздалось лёгкое постукивание о стекло. Отпускница мгновенно соскочила с постели и вскоре выходила на крыльцо. Теперь лесная прогулка доставляла ей удовольствие. Грибы больше не прятались, наоборот, с любопытством выглядывали из-под опавших листьев, словно просясь в корзину.

– Давай-давай, старайся, – подбадривал наставник, – гриб здорово усыхает.

– Дим, но у меня ведь здесь нет ни духовки, ни микроволновки, ни сушилки. И вообще я не знаю, как это делается.

– Эх ты, темнота! Придётся тебя просветить.

С полными корзинами они вернулись назад в крайний дом, и инструктор раскрыл секрет. Оказалось, грибы можно сушить на ниточках, рассортировав на шляпки и ножки. Наскоро перекусив, компаньоны сели плечом к плечу и принялись собирать грибные бусы. Опять всплыла тема семейной проблемы Светланы.

– Как дочь перенесла трагедию?

– О-о-о! Это отдельный разговор. Она почему-то всё восприняла так, будто Кирилл ушёл от неё. Знаешь, они ведь были очень дружны. Карина звала его папочкой, на шее висела, когда он с работы приходил. Девочка наша плаванием занимается. Так вот, когда она была маленькой, папа на тренировки водил-встречал, на соревнования её сопровождал. Я одно время работала много, зачастую до последнего клиента. Бывало, приду домой поздно, она лежит в кровати усталая, а Кирилл пристроился рядом в кресле и читает вслух историю или географию. Спорт спортом, а учиться-то надо. Даже потом, когда муж уволился с завода и занялся бизнесом, всегда находил время для дочери. И вдруг – вот так!

– Ну, он, наверное, решил, что Карина уже выросла.

– Не знаю, что он там решил. Дочь говорит, что он – единственный мужчина, который её бросил. Ей всего шестнадцать, совсем молоденькая, – с улыбкой продолжила мать, – а послушать – всё знает лучше всех и больше всех разбирается в жизни. Понимаешь, она привыкла быть первой – в учёбе, в спорте. Мальчишки на неё всегда заглядывались. Где бы она ни появилась, сразу становится центром внимания. Недостатка в поклонниках у неё нет, но если вдруг бой-френд повёл себя как-то не так, Карина сразу разрывает отношения. А тут – такой шок! Хотя, если разобраться, ситуация банальная: прежняя жена наскучила, встретил молодую красивую, полюбил и начал всё с нуля. Но дочка, видишь ли, отреагировала по-своему. Тут же заявила – на алименты не подавать, мол, согласна сидеть на хлебе и воде, лишь бы ничего не брать у «этого человека». Она очень сильная, ни одной слезинки не проронила, не то что я.

Светлана Хрусталёва не знала, что её дитя в минуты отчаяния не раз за минувший год прибегала к дяде Арсению и рыдала на его груди. Тот осторожно гладил племянницу по спине и, по обыкновению, тихонько шептал: «Ну-ну...» Ведь, как ни говори, Карина была совсем ребёнком и переживала предательство родителя. Петров жалел обеих: и племянницу, и сестру жены. Ругал себя за то, что в такие минуты не мог произнести ничего утешительного, хотя слова и не требовались. Это ласковое дяди Сенино «ну-ну» успокаивало девушку лучше всего. Кирилла Арсений не осуждал, но искренне не понимал.

Когда с грибными нитями было покончено, мужчина показал, как их правильно развесить:

– Шляпки подсохнут чуть раньше, в общем, через недельку всё будет готово.

– Откуда ты столько знаешь? Вроде живёшь в городе.

– Меня, можно сказать, тётя Клава вырастила. Мои-то между собой не ладили и чуть что отправляли к тётке. Своих детей у неё нет, так что племянника забирала к себе с удовольствием.

– Почему твои родители ссорились? Отец выпивал?

– Да нет вроде. Не знаю. Помню, они всегда что-то делили. В детстве часто слышал их споры: это моё, это твоё, это моя мама купила, а это моя подарила... Я ещё удивлялся – оба на завод ходят, зарплату получают, а в доме всё куплено бабушками. Они умудрялись делить даже мою любовь. После очередного скандала пытали: «Скажи, кого ты больше любишь: маму или папу?» Отвечал я по-разному, но результат был один – отправлялся в деревню. Сейчас они умерли, у меня осталась только тётя Клава. Она всегда меня любила и до сих пор любит. Кстати, мне пора. Ты отдохни, а вечером прогуляемся до реки.

До вечера он не дотерпел. Сбегал к себе, подправил забор и – тут же назад.

– Пойдём к воде. Здесь природа красивая, не хуже, чем на картинах Левитана.

Раньше, разглядывая пейзажи, Света склонялась к мнению, что художник приукрасил действительность. Сейчас, наблюдая первозданность во всей красе, она поняла, что была не права: у мастера не хватит палитры, чтобы намешать столько цветов и оттенков.

– Расскажи мне о своих родителях, – молчание нарушил мужской голос.

– Знаешь, – тепло улыбнулась собеседница, – папа с мамой были на удивление гармоничной парой. Все годы прожили в любви, всегда заботились друг о друге и о нас. Мы не слышали, чтобы они ругались. Если и были какие-то размолвки, то за закрытыми дверями. У них был счастливый брак. Вот и Ксения пошла по их стопам, а мне не повезло.

Говорившая запнулась, помолчала.

– Они погибли в ДТП, оба, мгновенно. Отец вёз маму из больницы. Был сильный гололёд. Машину занесло, а тут навстречу грузовик... Понимаешь, это должно было случиться. Маме поставили страшный диагноз, жить ей оставалось не больше месяца. Нам сказали об этом за два дня до аварии, но мы скрыли ото всех. В курсе были только мы с сестрой и Сеня.

Снова пауза.

– Не знаю, как объяснить; родители были так близки, словно проросли корнями друг в друга и превратились в единый организм. Оторвать одного от другого было бы невозможно. Отец не смог бы пережить мамину смерть. Вот и бабушка умерла через месяц после их похорон. Мы не предъявляли претензии водителю, да и не виноват он. Суд вынес оправдательный приговор. А родители, я думаю, до сих пор вместе.

– Извини, – Дима положил руку на плечо спутницы и тут же убрал. – Сеня это кто?

– О, Сеня! – оживилась та. – Сеня – это умница! Он муж моей сестры. Она называет его бесчувственным бревном, но это не так. Просто он молчун, но человек с большой буквы. Да, молчит, но зато как молчит! От него прямо волны идут. Мама всегда твердила: «Наш Сеня сто сот стоит!»

Парочка гуляла долго. Жители деревни, изредка попадавшие навстречу, искоса поглядывали в их сторону. Мужики понимающе ухмылялись, а добродетельные селянки с осуждением поджимали губы.

– Утром опять за грибами? – прощаясь, спросила Света.

– Отдыхай. Я приду после обеда, поведу тебя в интересное место. Волшебное!

Интригуяще подмигнув, Дима растворился в темноте.

На следующий день он явился задолго до назначенного часа.

– Не спалось. Встал пораньше, подремонтировал дровенник – и к тебе. Вот, прихватил бутербродов да яблок, так что можно отправляться. Собирайся.

Они не спеша брели по лесу. Разговор коснулся ставшей привычной темы.

– Чем занимается твой муж?

– Бывший муж. Недвижимостью. Теперь у него крупное агентство, а когда-то была крошечная фирма. Помнится, мы планировали, как только дела пойдут в гору, купить для меня салон красоты. Но поначалу долги давили, мне приходилось много работать. Возвращалась домой – ноги дрожали. Потом, когда «недвижимость» начала приносить доход, Кирилл пред-

ложил уволиться. К этому времени дочь подросла. Он весь в бизнесе. А я? Что бы я делала одна в четырёх стенах? Вот и решила не бросать парикмахерскую.

Она остановилась, подняла голову и прищурилась на пробивавшееся сквозь макушки деревьев солнце. Вытерла глаза, поправила сбившийся платок и бодро закончила:

– Результат очевиден: экс-супруг с женой-моделью, маленьким ребёнком и при деньгах. А я по-прежнему с ножницами. Мы с дочкой так и не подали ни на алименты, ни на раздел имущества. Квартира, в которой живём, – родительская. Так в своё время Сеня распорядился. Тогда у нас не было своего жилья. Вот Ксюша и отказалась от наследства в мою пользу. Кирилл недавно отгрохал себе коттедж в черте города. Хотя не буду наговаривать, отец пытался помочь Карине материально, но она даже слушать не хочет.

– Тяжело тебе? – Дима поднёс руку женщины к своему лицу, заметил яркие бороздки вен и, поборов желание их поцеловать, ласково сжал пальцы.

– Ничего, справляемся, – Светлана высвободилась, – я привыкла много трудиться. С некоторых пор это меня спасает – отвлекает.

– Да, жаль мужика.

Заявление прозвучало неожиданно. Спутник догадался, что его поняли неправильно, поспешил пояснить:

– Я в том смысле, что он чувствует себя подлецом, а ведь хочется быть героем.

Но так как героем в Светиных глазах этот человек был отрицательным, говорить о нём расхотелось.

– Ты каждое лето сюда ездешь?

– Как с отпуском получится. Я ведь на предприятии вкалываю – человек подневольный. А тётка старенькая уже. Вот, всё уговариваю переехать жить ко мне – отказывается. Здесь, мол, родилась, здесь и помру.

– А твоя жена? Она не стала бы возражать?

– Нет. Она знает – тётя Клава мне как мать.

– Почему тогда вы всей семьёй не приехали? Отдохнули бы с детьми.

– Вообще-то моя благоверная и сама из этих мест, но знаешь, она ужасная домоседка. Работа-дом, дом-работа. Никуда её не вытащишь. Целыми днями готовит, трёт, убирает. Зову зимой на лыжах покататься – ни в какую. Летом друзья на шашлыки приглашают – не едет и всё, до скандала. Представляешь, у меня дети в Москве ни разу не были, хотя до неё не так и далеко. Говорю: «Поехали на пару дней, столицу девчонкам покажем!» Не соглашается: скотину, видите ли, не с кем оставить.

– Какую скотину? Вы же в квартире живете.

– Да у нас собака, кошка и попугай обитают. Она их скотиной называет.

– Животных можно отдать на передержку.

– Всё проще, у нас родственница-пенсионерка живёт в соседнем подъезде. Можно её попросить. Тут в другом проблема: Светку никуда не пропрёшь.

– Как-как её зовут?

– Так же, как тебя. Ну и вот, с тех пор как старшая дочь пошла в школу, жена берёт отпуск только в сентябре, пока с продлёнкой вопрос не решён и столовая как следует не работает. Так весь месяц и опекает детей. Старшей у нас одиннадцать, а младшей восемь.

Света неопределённо пожала плечами, промолчала, но подумала, что собеседник в своё время ошибся в выборе.

– Честно признаться, я именно такую жену и искал – домашнюю, – словно прочитав её мысли, добавил Дима.

Вдалеке усердно колотил дятел. Под ногами то и дело потрескивало. «Ку-ку, ку-ку, ку-ку» – отсчитывался кому-то отпущенный срок.

– И где же твоя волшебная поляна?

– Да всё уже, метров сто осталось. Сейчас расскажу, что это за место. Слышала песню о рябине, которая хочет перебраться к дубу? Вот смотри...

Раздвинув кусты, мужчина вывел спутницу на просторную лужайку. Посреди неё стояли два дерева, и, как в песне, рябина клонилась к дубу своими густыми ветками. Заканчивался август, и ягоды на них полыхали ярко-красным. Дуб был высок, кряжист, с прямым стволом и словно вырезанными по трафарету листьями. Эта самая «трафаретная» листва со стороны рябины казалась намного гуще. Деревья с переплетающимися между собой ветвями образовывали большую арку.

– Видишь, какие крупные ягоды?

Светлана уже обратила внимание на эти плоды – крепкие, как маленькие яблочки.

– И жёлуди здесь тоже будь здоров! Мы мальчишками тут в войну играли. А эта арка называется... – Дима помолчал и почесал затылок, – слушай, забыл. То ли арка любви, то ли счастья, то ли верности. Надо у тётушки спросить. Сюда раньше часто молодожёны приезжали. Ходят слухи: если постоять в этой арке вдвоём, будешь связан с человеком на всю жизнь. До сих пор свадебный кортеж нет-нет да заедет.

– Ну, это ты врёшь! – рассмеялась Света. – Здесь не проехать. Не потащатся же молодые через всю деревню пешком.

– Это через деревню не проехать, а если по шоссе, то можно подобраться к самой поляне. Просто эту дорогу мало кто знает. А ещё говорят, что с каждым годом деревья придвигаются друг к другу всё ближе. Сочиняют, наверно.

– А сам ты этого не замечал?

– Не знаю, вроде и правда расстояние между ними больше было. Надо рулеткой померить для интереса, а в следующий раз сравнить. Пойдём, мы с тобой тоже отметимся в этой арке любви. Кажется, всё-таки она так называется.

– Нам-то зачем?

– Ну так, просто. Не знаю. Не зря же мы пришли.

Прогулка затянулась. Поляна не хотела отпускать неожиданных гостей, да и те уходить не торопились. То ли от избытка кислорода, то ли от непонятого волнения у Светы закружилась голова.

– Всё, пора, – скомандовал мужчина, под локоток вывел подругу из леса и проводил до дома. – Молоко я сам принесу.

Вскоре послышался стук о стекло.

– Вот, хочу тебя угостить, – рядом с банкой на скатерти очутилась ребристая бутылка из-под коньяка, – это наливка рябиновая. Тётя Клава готовила. Давай попробуем. Как раз в тему.

Они ужинали, пили приятное на вкус вино и вполголоса разговаривали. Из динамика полилась всё та же песня о белом лебеде. Дима встал.

Танцуя, Светлана улыбалась своим мыслям. Какой-то день сегодня необычный: и арка волшебная, и эта мелодия, и горьковатый напиток. И это новое незнакомое ощущение прохлады, будто в душе начала таять огромная сосулька.

– Спасибо тебе за этот день, – сказал на прощание Дима.

– Тебе спасибо. Какие у нас планы на завтра?

– Утром повезу тётушку в поликлинику на станцию. Она ещё собиралась к родственникам зайти. В общем, освобожусь и сразу к тебе.

На следующий день, провалявшись чуть не до обеда в постели, отдыхающая взяла в руки книгу – не напрасно же прихватила с собой парочку детективов – и уютно устроилась в старомодном плетёном кресле. Сосредоточиться не получалось. Пробежав глазами несколько страниц, она поймала себя на том, что совершенно не понимает, о чём идёт речь.

Донёсся легкий скрип. Может, калитка? Света прислушалась – нет, показалось. На всякий случай выглянула в окно – никого. Жаль. Оставив чтение, она включила радио. Шёл

концерт по заявкам. «Сейчас кто-нибудь обязательно закажет „нашу“ песню», – подумала она и не ошиблась. При первых звуках в груди женщины появился влажный холодок, словно сосулька опять подтаяла. Захотелось увидеть Диму. «Это потому, что здесь скучно, – нашлось торопливое объяснение, – если бы не случайное знакомство, умерла бы с тоски».

Он явился лишь под вечер.

– Ты что взъерошенный, как воробей?

– К тебе торопился. Весь день как на иголках. В больницу съездили, в аптеку, потом к родне: то к одному, то к другому. Знаю, конечно, тётке хочется близких повидать. А я сижу, только на часы смотрю.

Хозяйка суетливо накрыла стол и постаралась скрыть охватившую радость. За ужином разговор потёк привычным руслем – отношения с её бывшим мужем.

– Перестань на него злиться. Всякое бывает. Может, он и вправду полюбил. В нашем возрасте это случается. Седина в бороду – бес в ребро, как говорится. Или запутался мужик, что сам теперь не рад.

– Это он запутался?! Ты бы только слышал его! Он растоптал и заплевал всё, что мы вместе создавали много лет! Все его слова были ложью. Я до сих пор помню каждое!

– Ну это ты зря, – гость отодвинул свою пустую тарелку и подвинул к собеседнице её – полную. – Вспомни, как всё было. Он ведь хотел, грубо говоря, свалить по-тихому. Подгадал, когда в квартире никого нет, стал вещи собирать. А тут ты, застучала на месте преступления. Он не тебя обвинял, а себя защищал. Потому и нёс всякую чушь. Попробуй его понять и простить. Легче станет. Оттого, что ты травишь воспоминаниями душу, хуже только тебе. Ну случилось и случилось. Пора поставить точку, успокоиться и жить не Кирилла жизнью, а своей.

– Я чувствую себя человеком второго сорта. Таких, как я, бабушка раньше называла «брошенками». Представляю, как друзья сравнивают меня с его новой пассией, а ведь она моложе лет на десять.

– Прекрати, люди поговорили да забыли. К тому же все соображают: от такого никто не застрахован. И никогда не думай так о себе. Себя нужно уважать, а Кирилл твой – не единственный мужчина на земле. Хороших людей много. Вот и общайся с ними.

«И правда, – опомнилась брошенная жена, – что это я? Весь день ждала Диму, и на тебе! Завела старую пластинку. Будто он психоаналитик».

Она примолкла, а потом аккуратно сменила тему, начав расспросы о тёти Клавиных родственниках, о её здоровье, даже о корове. Беседа затянулась допоздна, и, как будто само собой, Дмитрий впервые остался здесь до утра. Умом Светлана понимала: допускать этого не стоило. Встретились они недавно. Всё, что знают друг о друге, – только с их же слов. У них нет ни общих друзей, ни знакомых. К тому же Дима несвободен. Да и любви к нему у неё тоже нет, только влечение и чувство благодарности. За ощущение тепла и покоя, за исцеление души.

Дима же был на седьмом небе от счастья. Он не мог предположить, что такое бывает. Он, взрослый женатый мужик, влюбился с первого взгляда в эту казавшуюся необыкновенной женщину с израненным сердцем. И сегодня провёл с ней ночь.

Счастливцев проснулся на заре, поцеловал тёплую щеку, прошептал: «Запри за мной» – и выскользнул на улицу. Осторожно крадучись, словно преступник, направился к дому тётки, чтобы позже опять вернуться в любовное гнёздышко.

– Тётя Клава заметила, что ты не ночевал?

– Не беспокойся, она спала. Я тихонько разделся и тоже лёг.

Следующим вечером всё повторилось. Пара смогла расстаться лишь под утро.

Каждый день у них находились неотложные дела. Всё казалось очень важным: походы в сельмаг, к реке, прогулки по лесу. Осень уже заявила о своих правах, и рябиново-дубовая арка приобрела золотисто-пурпурный оттенок. Листва на ветвях шелестела, приглашая подойти ближе и прочувствовать каждой клеточкой человеческой плоти магнетизм любви.

Однажды Света уговорила любовника подстричь торчащие вихры, а потом сама же расстроилась оттого, что с новой причёской тот стал выглядеть моложе её. Мастеру-парикмахеру не пришло в голову, что омолаживающее действие оказывала не стрижка, а глаза, полные огня. Последнее время Дима не ходил – летал, но партнёрша этого не замечала.

Их разговоры, как прежде, вращались возле Кирилла. Было странно лежать рядом с другим мужчиной и говорить о бывшем муже, но вопросы жгли и требовали ответов.

– Почему ты всегда его защищаешь?

– Знаешь, я уверен, он уже пожалел о своём шаге, а назад пути нет. В жизни не такие законы, как в бизнесе.

– Думаешь, он жалеет?

Дима прижал к себе податливое женское тело, пробежался пальцами по спине, докуда хватило рук.

– Я бы от такой не ушёл.

С рассветом в маленькой избе на краю деревни чуть слышно хлопала дверь. Задержавшийся гость отправлялся к себе досыпать, чтобы вскоре прийти обратно.

По вечерам, словно примеряя на себя роль супружеской четы, они готовили ужин и подолгу сидели за столом. Психологи утверждают – ничто так не объединяет людей, как совместная трапеза, – никакие самые душевные беседы. Эти два человека становились друг другу ближе, хотя бесед здесь было предостаточно. Проведённый вместе день заканчивался быстро, и наступала чудесная ночь.

Физическая близость не только доставляла плотское удовольствие, но и поднимала Свету в собственных глазах, придавала уверенность и силу. А Дмитрий вновь и вновь заговаривал про Кирилла, точно пытался вытащить наружу всё, что мучило любимую, и освободить от тягостного плена. Воспроизводя слова обидчика, та заводилась, на щеках вспыхивал румянец, а голос возмущённо звенел.

Вот и сейчас, в постели с любовником, она не сдержала эмоций:

– Он сказал, что со мной стыдно выйти в люди: ни одеться, ни привести себя в порядок не умею. Но это неправда! Я же парикмахер! Да я из трёх волосин такое сооружу – закачаешься! И маникюр интересный сделаю запросто, и макияж!

– Успокойся, – со смехом произнёс партнёр, – я тебе верю.

Успокоиться было трудно, она села в кровати.

– А наряды! Знаешь, какие у меня платья есть? О-го-го! Представляешь, какие к нам в салон клиентки расфуфыренные ходят? Они вещи только брендовые покупают, так что мы про моду всё знаем! А вот вульгарно – ещё не значит модно, – видимо, запустив камешек в огород новоиспечённой жены экс-супруга, добавила она.

– Да угомонись ты, – продолжая подсмеиваться, мужчина поймал её за локоть и уложил обратно. – Ты и без причёски красавица. А платье... Что платье? Это тряпка, её каждый может купить. А вот сама-то ты чудо как хороша, и, кажется, я в тебя влюбился... – он помолчал, затем медленно обвёл пальцем овал её лица, – да, влюбился как последний пацан.

Её накрыла тёплая волна. Сосулька внутри мгновенно дотаяла. Тело словно растеклось и замерло, прислушиваясь к новому состоянию. На едва затянувшихся ранах измученного сердца начали пробиваться робкие ростки любви. Нежной и трогательной, о которой не кричат во всё горло, а тихо шепчут на ухо. Когда вокруг летают разноцветные мыльные пузыри, а кудрявые амурчики с лукавой улыбкой целятся в них своими стрелами. И всё живое невольно тянется к влюблённым, как к весенним солнечным лучам.

Дни как будто сделались короче. Не успевал прийти рассвет, как наступал закат. Тема мужа-изменника наконец-то оказалась исчерпана. Всё, что целый год сидело под замком в душе, прорвалось, как нарыв, и вытекло наружу. Теперь они больше молчали, обоим не хоте-

лось тратить время на пустые разговоры. По ночам любовники подолгу лежали без сна. Света пристраивала голову на мужской груди, тот осторожно перебирал её волосы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.